

Не будь между упивающимися вином, между пресыщающимися мясом: потому что пьяница и пресыщающийся обеднеют, и сонливость оденет в рубище.

Книга притчей Соломоновых, глава 23 (20–21)

Августовский солнечный день. Бархатно-тёплый, с чистым голубым небом, один из тех, когда на дворе уже не лето, но ещё не осень. Прибитые ночными похолоданиями, не докучают вечерами комары. В палисадниках домов радуют глаз пышные гладиолусы, георгины, разноцветные астры и флоксы. На асфальте тротуаров, шевелимые лёгким ветерком, краснеют, желтеют первые опавшие листья клёнов и берёз. В такую благодатную погоду лучше всего пройтись по лесу в поисках тугих боровиков и подберёзовиков. Почитать книгу в тишине парка. Расслабиться на берегу реки с удочкой или посидеть у костерка с подвешенным над ним котелком. И предаться мечтам, сокровенным мыслям, думать о вечности всего, созданного Богом, о сущности бытия.

На рекламной вывеске, прибитой над входом в шумную забегаловку, выясняли отношения два взъерошенных воробья. Задорно чирикали, наскакивали друг на дружку. Что-то не поделили пернатые собратья. Разом сорвались, улетели куда-то. Синий фанерный щит с неровной надписью «Посидим, поговорим» и столь же примитивно намалёванной на нём кружкой с шапкой пены белел потёками

птичьего помёта. Надо полагать, по замыслу хозяев пивнушки, он являлся украшением их заведения, приглашая неприхотливых посетителей — местных забулдыг — потратить последние гроши на дешёвое «Жигулёвское», без зазрения совести разбавленное водой из крана.

За дверью забегаловки, распахнутой на улицу, манящую не спеша прогуляться по ней, гул хмельных голосов и табачный дым. Эти голоса смешивались со звонкими детскими визгами, доносящимися с площадки детского сада, а сигаретно-папирозный чад растворялся в запахе выхлопных газов машин. Шли пешеходы, у ног вертелись голуби. Дворник в оранжевом жилете и с метлой суетился у крыльца супермаркета. На мусорном баке стрекотала сорока, отгоняя от него лохматую собачонку. Обычный трудовой день... Для кого как... Во всяком случае, не для всех горожан он был обыденно-будничным.

В этот ясный погожий день, ласкающий душу и тело уютно-нежными лучами небесного светила, автослесарь станции технического обслуживания автомобилей Сергей Морозов получил зарплату. Двадцать тысяч рублей. Приличные, в общем-то, деньги. Но нерадостно Сергею от тугой пачки купюр, вложенной во внутренний карман пиджака, аккуратно застёгнутый на пуговичку. Какое-то внутреннее чувство подсказывало Сергею, что надо бы сначала зайти домой, отдать деньги жене. Ранним утром она закатила мужу скандал: «На какие шиши детей в школу собирать? А кормить их чем? Получку ему хозяин не даёт... Мужик ты или барышня кисейная? Потребуй! Отдаст, никуда не денется...»

«А-а... — махнул рукой Сергей. — Приди сейчас домой — обратно не вырвешься...» И ноги понесли в пивную «Посидим, поговорим». Посидеть... поговорить... В пивной, среди общего гула, дискант Сергея, созвучный ноте «фа», выделялся громкими выкриками.

— Так вот я и говорю: не повезёт — в собственное дерьмо вляпаешься! На одни и те же грабли опять наступил! — наполняя кружку пивом, запальчиво сказал Сергей, молодой уже мужчина с проседью на лысеющей голове.

За одним столом с ним молча потягивали горьковатое «Жигулёвское» два стриженных «под ноль» парня. Поглядывали на добротный костюм Сергея, щерились насмешливо-хитроватыми улыбками. У парня в клетчатой безрукавке, худого, узколобого, сидящего напротив, под глазом багровел кровоподтёк. Рядом с ним — крепыш в чёрных очках, в синей майке, обтягивающей мускулистую грудь. На голых плечах татуировки. На левом — грубо наколотое изображение православного креста, под ним корявая надпись: «Не забуду мать родную». На правом — столь же примитивный рисунок кинжала, пронзившего сердце, и ниже грозное предупреждение: «За измену не прощу».

— Давал себе зарок не трепать языком. Так нет... То там брякну что-нибудь лишнее, то в другом месте... А люди всё передают начальству. А тому не нравится слышать про себя правду... Гонят взашей... И на кой чёрт сдалось мне обозвать хозяина СТО клопом кровососным и жуликом? Эх, дурак я, дурак...— пристукнул Сергей кулаком по столу.

Его резкий выпад не произвёл впечатления на незнакомцев. Парень с подбитым глазом придержал тарелку с креветками, покосился на Сергея:

— Тише, дядя... Закусь опрокинешь...

Другой, который в очках и в майке, зубами продавил креветку из розового панциря в рот, глотнул пива. Безразлично произнёс:

— Уволили... Подумаешь... Была бы шея, хомут найдёшь, папаша. Ещё не такой костюмчик притаранишь...

— Где сейчас устроиться? Хотя я автослесарь с опытом, но года не те... Дурак я,— качая головой, сокрушался Сергей.

Узколобый ухмыльнулся:

— Если дурак, то надолго.

Тот, который поклялся не забывать мать и убить за измену, хрипло рассмеялся:

— Отец Никанор... Ну, помнишь, Щербатый, нашего священника?

Узколобый кивнул.

— Молитву запел... Так завыл, что Васька Кривой смех не сдержал... Ну, ты помнишь, Щербатый, щипача, который по третьей ходке пришёл? Как заржал Васька, отец Никанор сказал ему: «Толки глупого в ступе пестом вместе с зерном — не отделится от него глупость его. Притча Соломонова, глава двадцать седьмая, стих двадцать второй». Мне те слова запомнились... И как впечатались в башку?! Сам удивляюсь.

— Душевно Кривой под гитару пел... Эх, Магадан, Магадан... Столица Колымского края... Пятерик ему осталось чалиться на киче.

Прятели замолчали. Поглядывая на Сергея, изредка перекидывались между собой короткими, понятными лишь им словами. Крепыш что-то шепнул узколобому, тот кивнул и вскинулся заплывшим глазом на Сергея:

— Всё нормуль, папаша. Не бери в голову!

— Думаете, мне горько и обидно из-за того, что меня уволили? — ответил Сергей. — Мне деньги жалко.

— Какие деньги?! — в один голос спросили парни.

— Свои собственные! Заработанные вот этими трудовыми мозолями! — показал Сергей плохо отмытые от мазута и в ссадинах ладони. — Я вкалывал как прокажённый, без выходных... Несколько движков перебрал, поршневые на них поменял... Две машины, разбитые вдрабадан, выправил... Клиенты довольны... А он, гад, не всё заплатил, выгнал меня... Пинка дал под зад! А за что?! Не понравилось ему, жлобу толстомордому, что правду о нём сказал...

Захмелевший Сергей, не стесняясь в выражениях, подробно обрисовал сцену диалога между ним и хозяином автомастерской.

— Вхожу... Сидит, кофе пьёт, скот вонючий... Мурло — во! Харю отожрал. На меня рожу устави́л. «Ты называл меня клопом кровососным и жуликом?» — это он вопрос задаёт. «Когда?» — спрашиваю. «Вчера вечером в курилке». — «Вот гады, — отвечаю, — уже настучали... Ну, называл... А что? Неправда? Две тетради у тебя, жулик! Одна липовая, для налоговой инспекции. Другая для настоящих расходов. И разве не кровосос? Паразит ты! За три месяца ни копейки не

заплатил! Всё денег нет! А жрать в ресторане деньги у тебя есть? На Канарах пузо греть тоже находишь деньги? Вот пойду в прокуратуру, в налоговую, наденут тебя на кукан!» — сказал я ему. Морда у него краской налилась, как помидор стала. «Умник,— говорит,— ты, вижу, большой, а простой истины не разумеешь: у меня,— говорит,— всё схвачено. Официально ты не трудоустроен... Не докажешь». А я ему, вот как ты давеча, притчу Соломона, главу двадцать восьмую, стих одиннадцатый... «Человек богатый — мудрец в глазах своих, но умный бедняк обличит его». Он так и отпал...

— Ну, даёшь, папаша! В самый дух всадил ему! — одобрительно сказал узколобый, внимательно приглядываясь к костюму Сергея.

— Его затрясло от страха,— убедив себя, что так оно и было, самодовольно ответил Сергей, довольный похвалой незнакомцев.

— Ну а ты?

— Пообещал, что расскажу клиентам, как дурят их на СТО. Вместо новых запчастей ставят бэушные.

— Ну а он?

— Понятно... На дверь указал... Уволил...

— И что? Расчёт выдал? — как бы сочувствуя Сергею, осторожно спросил узколобый.— Деньги получил?

— Двадцать тысяч... За три месяца работы без продыху! Ну, скажите, разве в наши дни это деньги?! — Сергей в доказательство похлопал себя по карману пиджака.— Курам на смех! Цены растут, а зарплату эти сволочи, предприниматели, частники-эксплуататоры, не повышают. Двадцать тысяч выдал! Что на них купишь? — Сергей, распаясь, снова похлопал себя по карману.— Вот они, гроши... Двадцать тысяч! Да он мне в три раза больше должен был заплатить!

Парни понимающе перемигнулись.

— Ты где молотил? В «Метеоре»? — угрюмо спросил парень в очках и с татуировками.

— Ну да-а... В «Метеоре»...

Верный сын и безжалостный ревнивец повернулся к узколобому:

— В натуре, Щербатый, хозяин той эстэошки — козёл вонючий. Двадцатку забашлял... Курам на смех... Поможем папаше... Стоняй за водярой. И колбаски прихвати. Пиво без водки — деньги на ветер... Верно, папаша? Не горюй... Ты же классный автослесарь! Плюнь на «Метер»... У меня корефан в автосалоне менеджером пашет. Без базара устроим тебя. Башли там платят хорошие и без задержки...

Щербатый скоро вернулся, выставил на стол бутылку водки, выложил ломти колбасы и порезанный лимон.

— Короче, папаша... Сейчас канаем в автосалон... Да не тушуйся! Там свои в доску! И работа не пыльная... Блеск наводить на иномарках... Будешь получать как помощник президента! Давай, накати за новую работу!

Сергей выпил налитый до краёв стакан водки. Внутри обожгло. Застучало в висках. Зашумело в голове. Не завтракал, не обедал. Глядя на колбасу, ощутил голод. Жадно накинуся на еду.

— Хавай, папаша, — придвинул ему колбасу узколобий. Подсел ближе, приобнял Сергея, погладил пиджак.

— Ничего матерьялец, папаша... Путёвая ткань... Почти новьё! Муха не сидела! И фасончик моднячий! Клёвый костюмчик!

— Гер... Германия! Я его... всего пару раз над... надевал... И вот сегодня... По случаю захода на ковёр... к начальству. Пришлось... — качаясь, промямлил заплетающимся языком Сергей.

После водки и съеденной колбасы его потянуло в сон. Он уже с усилием держал голову. Ему подали второй стакан. Сергей хлобыстнул... и провалился в небытие. И больше уже ничего не помнил. Отрывочно, словно во сне, возникали видения... Какие-то люди стаскивали с него пиджак и брюки, сдёргивали носки... Из тумана выплывали деревья... Канава... Холодный мрак ночи... Яркий свет... Люди в белых халатах... Возня... Шум... А он падает, падает...

Очнулся Сергей на койке больничной палаты. В одних трусах. Без денег и сотового телефона. Без ключей от

квартиры и наручных часов. С разбитыми губами и опухшим носом, с кровоподтёками и синяками на теле.

— Где вы так назююкались? — спросил врач-травматолог.

— В пивной лавке «Посидим, поговорим»...

— Посидели, значит... Поговорили... В итоге без штанов остались. А с такими побоями могли и жизни лишиться.

— Кабы не сказал им про деньги... Ещё Соломон учил: «Кто хранит уста свои и язык свой, тот хранит от бед душу свою».

— Грамотные нынче пошли выпивохи... Библию почитывают... Стих двадцать третий главы двадцать первой помнят... А ведь предупреждал Соломон в притчах тех, что пьянство губит таких, как вы, Морозов. О чём гласят стихи двадцать девятый и тридцатый главы двадцать третьей? Молчите, Морозов? Слабо? Ну так поднимите глаза на плакат, что висит над вами. Наглядная агитация для таких, как вы, пациентов! Читаю вам, Морозов, на похмелье. Слушайте и вникайте. Соломон спрашивает: «У кого вой? У кого стон? У кого ссора? У кого раны без причины? У кого багровые глаза?» Отвечает Соломон: «У тех, которые долго сидят за вином, которые приходят отыскивать вина приправленного». Вой, стоны жены и ссора в вашем доме, Морозов, обеспечены. Побитую физиономию вам ещё отделает скалкой или сковородкой супруга... Марья Ивановна! — обернулся врач к сестре-хозяйке травматологического отделения. — Дайте ему после выписки какое-нибудь бесхозное тряпье, чтобы прикрыть наготу...

Через неделю Сергей вышел на улицу из больницы. В драном халате без пояса, в тапочках на босу ногу.

Накрапывал дождь. Было прохладно, ветрено и уныло. Грязно-серые облака тащились по пасмурному небу. К горлу подступала тошнота. В голове шумело. Насмешливые слова врача молотками стучали в ней: «Посидели... Поговорили...»